МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

Очертания последнего берега

стихи

CORPUS

УЭЛЬБЕК — ЭТО ГЮГО, БОДЛЕР, МАЛЛАРМЕ И ВЕРЛЕН СЕГОДНЯ.

Филипп Соллерс

Мишель Уэльбек

Очертания последнего берега. Стихи

«Corpus (АСТ)»

1996, 1997, 1999, 2013

УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-5

Уэльбек М.

Очертания последнего берега. Стихи / М. Уэльбек — «Corpus (АСТ)», 1996, 1997, 1999, 2013

ISBN 978-5-17-091911-6

Возвращение Мишеля Уэльбека к поэзии – настоящее событие. Гонкуровский лауреат, автор прогремевших на весь мир романов “Элементарные частицы”, “Платформа”, “Карта и территория”, “Покорность” выпустил в 90-е годы три стихотворных сборника, которые считал лучшим из всего им написанного. Однако после этого почти пятнадцать лет стихов не публиковал, и лишь в 2013 году вышла его четвертая поэтическая книжка “Очертания последнего берега”, сразу ставшая литературной сенсацией. Любовь, секс, страх смерти, мимолетные озарения, сатирические выпады – вся поэтическая традиция вписана здесь в сегодняшний день. Жесткий, подчеркнуто беспристрастный, насмешливый Уэльбек открывается в стихах с неожиданной стороны, отваживаясь на лирическую исповедь. В настоящий сборник вошли переводы стихов Уэльбека из книг “Погоня за счастьем” (1992), “Смысл борьбы” (1996), “Возрождение” (1999), “Очертания последнего берега” (2013), а также эссе “Оставаться живым” (1991), стилизованное под учебное пособие для начинающих поэтов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-5

ISBN 978-5-17-091911-6

© Уэльбек М., 1996, 1997, 1999, 2013
© Corpus (АСТ), 1996, 1997, 1999, 2013

Содержание

Оставаться живым 8
Сначала страдать 8
Использовать членораздельную речь 11
Выжить 13
Бить по болевым точкам 15
Погоня за счастьем[3] 17
I 17
Гипермаркет. Ноябрь[4] 17
Непримиримый[5] 17
Джим[6] 18
“Я умников боюсь и их дрянных затей…”[7] 18
“Мое тело – наполненный кровью мешок…”[8] 19
“Люблю лечебницы, вместилища мученья…”[9] 19
“Какое множество сердец на свете билось!..”[10] 19
“В свои семнадцать лет была моя сестрица…”[11] 20
“С нелегким сердцем мрут богатые старухи…”[12] 20
“Я легкость потерял…”[14] 21
“На углу, у «Фнака», бурлила толпа…”[15] 21
“Я катил на “пежо”, на своем сто четвертом…”[17] 22
I 22
II 22
Любовь, любовь[19] 23
Природа[20] 24
В отпуске[21] 24
“Чистейший первозданный свет…”[22] 25
“Мягкое подпрыгиванье гор…”[23] 25
“Девять вечера, тьма наплывает в окно…”[24] 26
II 27
“Как росток маиса, выкопанный под корень…”[25] 27
Ощущение холода[26] 27
“Фальшивой радости прибой…”[27] 27
“Как перевод небытия…”[28] 27
“Почему никогда нам не быть…”[29] 28
“В пустом пространстве жить, без вех и без опоры…”[30] 28
“Нить забвения тянется, ткется и ткется…”[31] 28
Внешний мир[32] 28
“Бесприютная ночь, я бегу от тоски…”[33] 29
“Желание больше ничего не делать и, главное, не чувствовать ничего…”[34] 30
Возможный конец пути[35] 30
“Рассвет стремительного солнца…”[36] 30
“Ностальгия мне незнакома…”[37] 31
“В Венеции, у парапета…”[38] 31
Последние времена[39] 31
III 33
“Народ, который любит жизнь…”[40] 33

“Вот фотографии детей…”[41] 33
“Да правда ли, что есть там кто-то в самом деле…”[42] 33
Бестелесные[43] 33
“Чудовищная смесь бесчисленных прохожих…”[44] 34
“Ты что-то говорила о сексе…”[45] 34
Среда. Майнц – Долина Рейна – Кобленц[46] 35
“Бывают мгновения, когда буквально слышишь…”[47] 35
Тело абсолютной идентичности[48] 35
“Мир выглядит, как никогда, однородным и прочным…”[49] 36
Пятница, 11 марта. 18 час. 15 мин. Саорж[50] 37
“Я как мальчик без права на слезы и ласки…”[51] 37
“И правда, этот мир, где дышим тяжело…”[52] 37
Бульвар Пастера. Вторая половина дня[53] 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Мишель Уэльбек
Очертания последнего берега. Стихи

MICHEL HOUELLEBECQ
Restervivant
La poursuite du bonheur
Le sens du combat
Renaissance
Configuration du dernier rivage

© Flammarion, 1996, 1997, 1999
© Michel Houellebecq et Flammarion, 2013
© Flammarion, Philippe Matsas, cover photo
© Е. Белавина, Е. Гречаная, И. Кормильцев (наследники), И. Кузнецова, Е. Лавут, Ю. Покровская, Н. Шаховская, М. Яснов, перевод на русский язык, 2005, 2016
© ООО “Издательство АСТ”, 2016
Издательство CORPUS ®

* * *

Перед нами россыпь признаний, блеск слов, вольных, откровенных, но полных скрытого смысла. Это книга о жизни, о любви, о сексе, о нашей эпохе, но, прежде всего, о самом авторе. Она приглашает к такой интеллектуальной и духовной близости с ним, что хочется его спросить: что же такое быть Уэльбеком?
Le Monde

Стихи Уэльбека никогда не парят над временем, никогда из него не ускользают – напротив, они играют с ним. Это стихи-афоризмы, маленькие новеллы или будущие романы. Строки складываются неожиданно, бьют наотмашь – и не забываются.
Les Inrockuptibles

Уэльбек – это Бодлер под пентоталом, "сывороткой правды".
Le Nouvel Observateur

Оставаться живым
Руководство для начинающих[1][2]

Сначала страдать

Мироздание кричит. Бетон чувствует силу ударов, когда по нему бьют, ломая стену. Бетон кричит. Трава стонет на зубах животных. А человек? Что ж говорить о человеке?

Мир – это страдание в действии. В основе мира – ядро страдания. Всякое существование есть разрастание и сжатие. Вещи страдают, пока не начинают быть. Небытие, прежде чем стать бытием, содрогается от боли: в отвратительных пароксизмах.

Живые организмы развиваются, усложняются, делаются разнообразнее, но их основа остается неизменной. Когда достигается определенный уровень сознания, раздается крик. С него начинается поэзия. Членораздельная речь также.

Первый поэтический импульс – обратиться к началу начал. То есть – к страданию.

Разновидности страдания, разумеется, заслуживают интереса, но это не главное. Всякое страдание годится, всякое страдание хорошо, всякое страдание приносит плоды, всякое страдание есть мир.

Годовалый Анри лежит на полу в грязном подгузнике; он орет. Мать, постукивая каблуками по плиткам пола, ходит мимо в поисках лифчика и юбки. Ей некогда, она опаздывает на свидание. Это маленькое создание, копошащееся на полу в собственном дерьме, выводит ее из себя. Она тоже начинает орать. Анри закатывается еще пуще. Она уходит. У Анри отличный шанс стать поэтом.

Марку десять лет. Его отец умирает в больнице от рака. Этот полутруп, опутанный резиновыми трубками, – его отец. Только взгляд еще жив, он выражает страдание и страх. Марк тоже страдает. И ему тоже страшно. Он любит отца. Но ему уже хочется, чтобы отец поскорее умер, и он винит себя за это. Марку следует потрудиться. Он должен развить в себе особый и весьма плодотворный вид страдания: Священное Чувство Вины.

Мишелю пятнадцать. Он ни разу не целовался с девочкой. Ему хочется танцевать с Сильви. Но Сильви танцует с Патрисом, и ей это явно нравится. Мишель застывает: музыка проникает в самую глубь его существа. Это великолепный медленный фокстрот, красоты необычайной. Он и не знал, что можно так сильно страдать. Его детство до сих пор было счастливым.

---

[1] *Перевод Ирины Кузнецовой*

[2] Впервые опубликовано в 1991 г. парижским издательством Éditions de la Différence.

Мишелю никогда не забыть этот контраст между тем, что творится в его душе, окаменевшей от страдания, и потрясающей красотой музыки. Мальчик развивается в правильном направлении.

Мир состоит из страдания потому, что он в основе своей свободен. Страдание есть необходимое следствие свободного взаимодействия частей системы. Вам надлежит это знать и говорить об этом.

Вам не грозит счесть страдание целью, к которой надо стремиться. Страдание *есть* – следовательно, быть целью не может.

Нанося нам рану за раной, жизнь чередует коварство с открытой жестокостью. Их надо уметь распознавать. Поупражняйтесь. Изучите эти формы досконально на собственном опыте. Разберитесь, в чем их различие и что между ними общего. Тогда многие противоречия разрешатся сами собой. Это добавит вашим словам силы и проникновенности.

Из-за специфики современной эпохи проявления любви сегодня практически сведены к нулю. Но идеал любви остается прежним. Пребывая, как всякий идеал, вне времени, он не может ни измениться, ни исчезнуть.

Отсюда несоответствие между идеалом и реальностью, вопиющий разлад, богатейший источник страдания.

Все решается в период отрочества. Если у вас сложилось представление о любви хоть сколько-нибудь близкое к идеальному, хоть сколько-нибудь благородное и возвышенное, вы пропали. Вас уже ничто не спасет, вам всегда будет мало того, что есть.

Если вы не встречаетесь с женщинами (оттого что вы застенчивы, некрасивы или по какой-либо иной причине), читайте женские журналы. Это обеспечит вам почти такой же накал страдания.

Прочувствовать до конца всю беспредельность отсутствия любви. Культивировать ненависть к самому себе. Ненависть к себе, презрение к другим. Ненависть к другим, презрение к себе. Все перемешать. Обобщить. В любых ситуациях заранее считать себя проигравшим. Мир как дискотека. Накапливать разочарования – чем больше, тем лучше. Научиться быть поэтом значит разучиться жить.

Можете любить свое прошлое, можете его ненавидеть, но оно всегда должно стоять у вас перед глазами. Надо достичь полного знания о самом себе. Тогда, по степенно, ваше глубинное “я” отделится и выскользнет к солнцу; а тело останется: распухшее, отечное, раздраженное – готовое к новым страданиям.

Жизнь – серия испытаний на прочность. Выдержать первые, срезаться на последних. Погубить свою жизнь, но *не до конца*. И страдать, всегда страдать. Научиться чувствовать боль всеми клетками своего тела. Каждый осколок мира должен ранить вас лично. Но вы обязаны оставаться живым – во всяком случае, какое-то время.

Не пренебрегайте застенчивостью. Кое-кто даже считал ее единственным источником внутреннего богатства, и доля истины в этом есть. Потому что в момент расхождения между намерением и поступком происходят интереснейшие психологические явления. Человек, у которого это расхождение отсутствует, недалеко ушел от животного. Так что застенчивость – превосходный стартовый толчок для поэзии.

Развивайте в себе чувство обиды на жизнь. Горечь – необходимая составляющая всякого настоящего творчества.

Конечно, в какие-то минуты жизнь может вам показаться просто бестолково устроенной. Но горечь всегда должна быть под рукой, наготове – даже если вы предпочтете ее не выражать.

И постоянно возвращайтесь к истокам, которые суть страдание.

Когда вы почувствуете, что вызываете у окружающих испуганную жалость, смешанную с презрением, знайте: вы на верном пути. Можете начинать писать.

Использовать членораздельную речь

Сила становится движением, когда она приходит в действие и это действие разворачивается во времени.

Если вам не удастся выразить свое страдание во вполне определенной, четко структурированной форме, вам крышка. Страдание сожрет вас живьем изнутри раньше, чем вы успеете что-либо написать.

Структура – единственное спасение от самоубийства. К тому же самоубийство не решит ваших проблем. Представьте себе на минутку, что Бодлеру в двадцать пять лет удалась попытка самоубийства.

Верьте в структуру. Верьте в древние законы метрики. Версификация – мощный инструмент внутреннего освобождения.

Не считайте своим долгом изобретать новые формы. Новая форма – большая редкость. Одна на столетие – уже хорошо. И ее совсем не обязательно создает великий поэт. Поэзия не есть работа над языком, это не главная ее задача. Слова находятся в юрисдикции общества в целом.

Новые формы в большинстве своем создаются не на пустом месте, а отпочковываются со временем от старых. Инструмент подгоняется, прилаживается, претерпевает какие-то мелкие изменения. И новизна становится очевидна не сразу, а лишь на последнем этапе, когда произведение закончено. Этот процесс вполне сопоставим с эволюцией в животном мире.

Вначале вы будете испускать нечленораздельные крики. Потом у вас не раз возникнет искушение к ним вернуться. Это нормально. Поэзия слегка опережает членораздельную речь. Давайте волю крику всякий раз, когда чувствуете, что вас распирает. Это освежает, как купание в реке молодости. Но имейте в виду: если вы не научитесь хоть иногда выныривать из нее, вы погибнете. Запас прочности в нашем организме не беспределен.

В пароксизме боли вы не сможете писать. Но если чувствуете в себе силы, то все-таки попытайтесь. Результат, скорее всего, будет жалким. Скорее всего – но не обязательно.

Никогда не “работайте”. Писать стихи – это не работа, это назначение.

Если какая-то конкретная форма (к примеру, александрийский стих) требует от вас чрезмерных усилий, откажитесь от нее. Такие усилия никогда себя не оправдывают.

Но нельзя отказываться от усилия главного, постоянного, состоящего в том, чтобы не поддаваться апатии. Это усилие совершать необходимо. В вопросах формы не стесняйтесь противоречить себе. Отклоняйтесь от избранного направления сколько угодно. Не слишком заботьтесь о том, чтобы иметь цельную “творческую индивидуальность”: она и так у вас есть, хотите вы того или нет.

Не пренебрегайте ничем, что может дать вам хоть чуточку душевного равновесия. Счастье не для вас, это ясно, и ясно давно. Однако, если вам вдруг подвернется какое-нибудь из его подобий, ловите его. Не раздумывая. Все равно это ненадолго.

Ваша жизнь – сплошное страдание. Вы вознамерились выразить его в упорядоченной словесной форме. На этом этапе ваша задача – обеспечить себе достаточную продолжительность жизни.

Выжить

Литература все-таки единственный вид деятельности, позволяющий не зарабатывать ни гроша, не рискуя стать посмешищем.
Жюль Ренар

Мертвый поэт писать не может. Отсюда необходимость оставаться живым.

Это довольно простое соображение, но следовать ему бывает порой нелегко. Особенно в периоды затянувшегося творческого бесплодия. Поддержание собственной жизни вдруг покажется вам мучительно бессмысленным – все равно уже ничего не написать. Возразить тут можно только одно: вам не дано этого знать. И если вы трезво посмотрите правде в глаза, то вынуждены будете согласиться. Потому что истории известны самые невероятные случаи.

Если вам не пишется, это может быть предвестием перемены формы. Или темы. Или и того и другого. Или действительно предвестием вашей творческой смерти. Но вам это неведомо. Вам никогда не будет по-настоящему понятна та часть вас самих, которая побуждает вас писать. Она проявляет себя в неясных и весьма противоречивых формах. Эгоизм или самоотверженность? Черствость или сострадание? Все объяснения выглядят на свой лад убедительно. И это лишний раз доказывает, что вы ничего не знаете. А раз не знаете, то и не ведите себя так, будто знаете. Перед вашим неведением, перед этой таинственной частью вашего существа будьте честны и смиренны.

И дело не только в том, что поэты, которые живут долго, больше успевают написать. Старость – время совершенно особых физических и психологических процессов, и обидно было бы это упустить. Вместе с тем надо признать: выжить необычайно трудно. Теоретически можно избрать *стратегию Пессоа*: найти какую-нибудь скромную службу, ничего не публиковать и тихо ждать смерти.

Однако на деле это таит серьезные трудности: ощущение, что время уходит впустую, что вы не на своем месте, что вас недооценивают… Все это очень скоро станет невыносимо. Пьянство практически неизбежно. В итоге вас ждет желчность и озлобление, а за ними неминуемая апатия и полное творческое бесплодие.

Как видите, этот путь имеет свои минусы, но в принципе он единственный. Не забывайте о психиатрах – они выписывают больничные листы. Однако длительное пребывание в психушке следует исключить: слишком вредно. Это средство крайнее, и к нему можно прибегать лишь как к альтернативе жизни под мостом.

Формы социальной помощи (пособие по безработице и т. п.) надо использовать в полной мере, равно как и финансовую поддержку более состоятельных друзей. И пусть вас не слишком мучают угрызения совести. Поэт – это священный паразит.

Поэт – священный паразит; подобно скарабеям в Древнем Египте, он может благоденствовать на теле богатого развращенного общества. Но есть для него место и в сердце общества сильного и аскетичного.

Вам не надо бороться. Борются борцы на ковре, а поэты – нет. Но все-таки надо хоть изредка публиковаться: это необходимо, чтобы могло иметь место *посмертное признание*. Если вы не опубликуете некий минимум (пусть всего лишь несколько стихотворений в малоизвестном журнале), потомки вас не заметят, точно так же, как не замечают современники. Будь вы

хоть гений из гениев, но должны оставить зримый след. А дальше положитесь на литературных археологов – они откопают остальное.

Не исключено, что из этого ничего не выйдет, так часто бывает. Но нужно по крайней мере раз в день повторять себе, что главное – сделать все, что в ваших силах.

Полезно изучать биографии любимых поэтов: это поможет избежать некоторых ошибок.

Следует усвоить, что проблема материального выживания не имеет хорошего решения. Зато плохих имеет очень много.

Вопрос, где лучше жить, как правило, не стоит: будете жить там, где получится. Старайтесь лишь избегать слишком шумных соседей, которые сами по себе способны довести кого угодно до полной интеллектуальной смерти.

Временное трудоустройство может дать некоторые познания относительно функционирования общества, небесполезные в принципе для какой-нибудь будущей книги. Жизнь на дне в качестве маргинала приносит знания другого рода. В идеале, следует чередовать.

Другие виды жизненного опыта – такие, как гармоничная сексуальная жизнь, брак, дети, – тоже весьма полезны и плодотворны. Но они почти недостижимы. В плане художественном это области, по сути, неосвоенные.

Жизнь ваша будет делиться, как правило, между горечью и тревогой. В обоих случаях может помочь алкоголь. Главное – заполучить передышку, чтобы писать. Передышки будут краткими, постарайтесь ими воспользоваться.

Счастья бояться не надо, его нет.

Бить по болевым точкам

Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины.
Второе послание к Тимофею, 2: 15

Не ищите знания ради знания. Все, что не проистекает непосредственно от чувства, в поэзии имеет нулевую ценность.

(Надо, разумеется, понимать слово *чувство* в широком смысле: некоторые чувства ни приятны, ни неприятны – таково, например, ощущение странности.)

Чувство упраздняет причинно-следственные связи; только через него можно воспринять вещь в себе. Передать это восприятие и есть задача поэзии. Сходство целей философии и поэзии – источник их скрытого союзничества. Оно не обязательно должно выразиться в сочинении философских стихов – поэзии надлежит открывать мир собственными путями, чисто интуитивными, минуя фильтр умственной реконструкции мира. И уж тем более надо избегать изложения философии в стихах, что чаще всего имеет результатом жалкий суррогат. Тем не менее именно среди поэтов новая современная философия обретает самых серьезных своих читателей, самых внимательных и восприимчивых. Точно так же только философы, точнее некоторые из них, в состоянии уловить, вытянуть на свет и осмыслить истины, таящиеся в поэзии. Поэзия способна почти так же, как непосредственное созерцание, – и в гораздо большей степени, нежели старая философия, – дать им материал для обновления представлений о мире.

Чтите философов, но не подражайте им; ваш путь, увы, иной. Он неотделим от невроза. Пути поэзии и невроза пересекаются и чаще всего на последнем этапе сливаются – поэтическая струя почти неминуемо растворяется в кровавом потоке невроза. Но выбора у вас нет. Другой дороги тоже.

Постоянная работа со своими навязчивыми мыслями и состояниями в конце концов доконает вас, превратит в недееспособную развалину, снедаемую тревогой или опустошенную апатией. Но, повторяю, другой дороги нет. Вы должны достичь критической точки. Войти в смертельный вираж. И создать несколько стихотворений, прежде чем разобьетесь о землю. На миг вам откроются необозримые дали. Всякая великая страсть ведет в бесконечность.

В конечном счете любовь разрешает все проблемы. Точно так же великая страсть выводит в пространства истины. В пространства совершенно иные, где находиться мучительно, но где взгляд обретает зоркость и ясность. Где вещи предстают в первозданной чистоте, в прозрачности истины.

Верьте в тождество Истины, Красоты и Добра.

Общество, в котором вы живете, стремится вас уничтожить. Это взаимно. В качестве оружия оно использует равнодушие. Вы не можете позволить себе того же. Следовательно, нападайте!

У любого общества есть свои уязвимые места, свои болевые точки. Найдите их и нажмите как можно сильнее.

Углубляйтесь в темы, о которых люди не хотят слышать. Показывайте изнанку жизни. Напирайте на болезнь, агонию, уродство. Настойчиво говорите о смерти, о забвении. О ревности, равнодушии, фрустрации, отсутствии любви. Будьте гнусны, и вы будете правдивы.

Никуда не вступайте. Или вступайте, а потом сразу же выходите. Никакая общественная идея не должна привлекать вас надолго. Борьба бок о бок с единомышленниками делает человека счастливым, вам это не нужно. Ваша стезя – несчастье. Ваша сторона жизни – темная.

Ваше призвание не в том, чтобы предлагать какие-то пути, строить теории. Если можете это делать – делайте. Но если приходите к неразрешимым противоречиям, скажите об этом. Потому что ваше главное назначение – докапываться до истины. Вы могильщик и одновременно покойник. Вы тело общества. И вы же в ответе за тело общества. Все ответите как один. Землю будете жрать, сволочи!

Вы богаты. Вы знаете, что есть Добро и что есть Зло. Не смешивайте их никогда; не дайте себе увязнуть в толерантности – это печальный признак старости. Поэзия в силах установить непреходящие моральные истины. И свободу от них вы должны ненавидеть всей душой.

Истина скандальна. Но без нее ничего не выйдет. Наивная и честная картина мира – уже шедевр. В свете этого требования оригинальность мало что значит. Не заботьтесь о ней. В любом случае оригинальность неизбежно проявится через сумму ваших недостатков. А ваше дело – просто говорить правду, вот и все.

Невозможно любить одновременно правду и наш мир. Но вы уже сделали выбор. Теперь проблема в том, чтобы от него не отступать. Призываю вас не сдаваться. Не потому, что вам есть на что надеяться, нет. Наоборот, предупреждаю: вы будете очень одиноки. Люди, как правило, приспосабливаются к жизни, иначе они умирают. Вы – живые самоубийцы.

По мере приближения к истине ваше одиночество становится все более и более полным. Прекрасный, но безлюдный дворец. Вы ходите по пустым залам, где эхом отдаются ваши шаги. Воздух чист и неподвижен, все вещи словно окаменели. Временами вы начинаете плакать, настолько четкость очертаний невыносима для глаз. Вам хотелось бы вернуться назад, в туман неведения, но в глубине души вы знаете, что уже поздно.

Продолжайте. Не бойтесь. Худшее позади. Конечно, жизнь еще потерзает вас, но вас с ней уже мало что связывает. Помните: вы, в сущности, уже умерли. Теперь вы один на один с вечностью.

Погоня за счастьем[3]

I

Гипермаркет. Ноябрь[4]

Я плюхнулся сперва в прилавок морозильный;
Расплакался, струхнул, конечно, но не сильно.
Мне кто-то пробурчал, что от меня разит;
Я двинулся вперед, приняв нормальный вид.

Весь пригородный люд, разряженный и злой,
Сновал туда-сюда вдоль стеллажей с водой.
Плыл над рядами гул арен и мрачных оргий;
Я мирно брел себе походкою нетвердой.

Потом я вдруг упал у сырного отдела;
Купившие сардин две женщины в летах
Шли мимо, и одна другой сказала: “Ах,
Такой молоденький, ну разве это дело?”

Две грозные ступни мне заслонили зал:
Явился продавец блюсти порядок купли.
Людей смущал мой вид и дорогие туфли;
Последний раз я вел себя как маргинал.

Непримиримый[5]

Мой отец, неотесанный злой идиот,
Пьяно грезил, уставившись в телеэкран,
С торжеством наблюдая, как прахом идет
За несбыточным планом несбыточный план.

Обращался он с сыном, как с крысой чумной;
Я ему никогда не умел угодить:
Он хотя бы за то недоволен был мной,
Что имел я все шансы его пережить.

Умирал он в апреле, метался, стонал,
Взглядом бешеным гневно пространство сверлил,
Был весной недоволен, похабно шутил,
Три минуты дерьмом мою мать поливал.

---

[3] Впервые опубликовано в 1992 г. парижским издательством Éditions de la Différence.

[4] *Перевод Ирины Кузнецовой*

[5] *Перевод Ильи Кормильцева*

Перед самым концом, одинокий как волк,
На мгновение вдруг перестал он стонать.
Улыбнувшись, сказал: “Я наделал в кровать”.
А потом захрипел и навеки умолк.

Джим[6]

Покуда ты не здесь, я жду, хоть не уверен;
Весь в белых пятнах путь, и нечем мне дышать.
Вид заблудившихся прохожих странно зелен,
И вены начали в автобусе трещать.

“Сегюр!” – кричит мне друг. Моя здесь остановка.
Он славный малый, да. И в курсе всех проблем.
Джим из авто, гляжу, выскакивает ловко,
На куртке у него есть парочка эмблем.

Он злым бывает: ждет… А боль все длится, длится…
И я кровоточу; тих магнитолы звук.
Джим вынул инструмент. Ушел. Темно вокруг.
Бульвар пустыней стал. И не нужна больница.

“Я умников боюсь и их дрянных затей…”[7]

Я умников боюсь и их дрянных затей,
Лишающих меня моих амфетаминов.
Зачем же отнимать единственных друзей?
Я так устал, я – прах, и жизнь распалась, минув.

Все эти лекари, подобно гнойникам,
Мой иссосали мозг – кто их нудить заставил?
Но я-то жил и жив помимо норм и правил.
Плевать! Такую жизнь задаром вам отдам.

Порою по утрам от ломки так корячит,
Что впору завопить. Но боль пройдет. Плевать!
А уж на здравоохранение тем паче.

По вечерам, один, я падаю в кровать,
Я Канта перечту, а день свой вспоминать —
Как вскрыть нарыв. Плевать! Жить не могу иначе.

---

[6] *Перевод Юлии Покровской*

[7] *Перевод Михаила Яснова*

“Мое тело – наполненный кровью мешок…”[8]

Мое тело – наполненный кровью мешок.
Чуть глаза приоткрыв, я лежу в темноте.
Я боюсь приподняться – в моем животе
Что-то гнусное булькает между кишок.

Будь ты проклята, плоть, что взяла меня в плен
Беспокойства и боли. Постель вся в поту.
Между ног бесполезно торчит в пустоту,
Словно губка набрякшая, вздувшийся член.

Будь ты проклят, Христос, для чего, мне ответь,
Ты нам тело непрочное это даешь?
Все уходит в трубу, ничего не вернешь.
Мне не хочется жить, я боюсь умереть.

“Люблю лечебницы, вместилища мученья…”[9]

Люблю лечебницы, вместилища мученья,
Где чахнут старики, студентам напоказ,
Бездушным циникам, исполненным презренья,
Жующим свой банан с тупым прищуром глаз.

В палатах чистых, но привычных к вечной драме,
Их ждет небытие, несчастных стариков,
Когда, синюшные, они встают утрами,
И каждый все отдать за курево готов.

Они встречают день почти беззвучным охом,
Забыв, что значит мысль, забыв, что значит смех,
Их ожидает то, что ожидает всех
В конце последних дней, перед последним вздохом, —

Слова, знакомые уже наперечет:
Я сыт… Спасибо… Сын придет в конце недели…
Как все внутри горит… Мой сын еще придет…
А сын все не идет. А пальцы побелели.

“Какое множество сердец на свете билось!..”[10]

Какое множество сердец на свете билось!
В обшарпанных шкафах шушукаются вещи,
И так печальны их рассказы и зловещи

[8] *Перевод Ильи Кормильцева*
[9] *Перевод Михаила Яснова*
[10] *Перевод Михаила Яснова*

О людях, чья любовь разбилась и забылась.

Там холостяцкая посуда притулилась,
Здесь наводящие невольную унылость
Осколки юности вдовиц и старых дев —
То, чем живут шкафы, минувшим завладев.

Пожитки прибраны, и жизнь подобна спячке:
Прогулки, магазин – все та же череда,
Ни телевизор не утешит, ни еда.

А старость все гнусней, и все тошней болячки —
И вот уже с землей смешался прах случайный,
Любовью преданный и обойденный тайной.

“В свои семнадцать лет была моя сестрица…”[11]

В свои семнадцать лет была моя сестрица
Дурнушкой, и ее прозвали в школе будкой.
Однажды в ноябре она пошла топиться.
Ее спасли; вода была гнилой и мутной.

Как крыса жирная под жаркою периной,
Она свернулась и мечтала о бесплотной,
О беззаботной, целомудренной, невинной,
О тихой жизни, о почти что мимолетной.

Наутро тень она увидела – то ближе,
То дальше на стене, и, как во сне, в тревоге
Пробормотала мне: побудь со мной, я вижу
Исуса, он идет, он стер, бедняга, ноги.

Шепнула: я боюсь, побудь со мной, присядь.
Ведь это вправду он? Дай мне скорей одеться.
Взгляни-ка, там дома… Народ… Как бьется сердце!
Там так красиво. Для чего же мне страдать?

“С нелегким сердцем мрут богатые старухи…”[12]

С нелегким сердцем мрут богатые старухи.
“Ах, мамочка!..” Снуют невестки, точно мухи,
Батистовым платком с ресниц слезу смахнув,
Оценивают стол, и шкаф, и модный пуф.

По мне, милее смерть в обычном “ашелеме”,[13]

---

[11] *Перевод Михаила Яснова*

[12] *Перевод Михаила Яснова*

[13] *“Ашелем”* (от франц. *HLM, habitation à loyer modéré*) – муниципальный дом с умеренной квартирной платой. (Здесь и далее *прим. перев.*)

Где верят старики, что так любимы всеми,
Что будут близкие по ним рыдать взахлеб
И что приедет сын и купит крепкий гроб.

На тихом кладбище окончат жизнь богачки,
Там, где гуляют старички и их собачки,
Меж кипарисами и кустиками, там,
Где воздух чист и нет раздолья комарам.

Ждет крематорий стариков из “ашелема”,
А в колумбарии и тихо все, и немо:
По воскресеньям здесь, как в будни, тишь да гладь,
И спит охранник-негр, всем старикам под стать.

“Я легкость потерял…”[14]

Я легкость потерял. Я кожей чую мглу,
От вспышек и зарниц ночами сводит скулы.
И город всаживает в вену мне иглу
Вплывающего в дом бессмысленного гула.

Отсюда завтра я спущусь, помятый, на
Безжизненный бульвар, где снова повторятся
И эти женщины, и эта их весна
Среди оскомину набивших декораций.

В наполненных кафе опять пойдут молоть
Салат и чепуху – соль этой жизни скудной.
Сегодня выходной. Хвала тебе, Господь!
Я коротаю ночь с пластмассовою куклой.

Кровавый звездный дождь горит огнем, летя,
И взгляды мертвецов скользят ему навстречу.
Мать Богородица, храни мое дитя!
Ночь, как порочный зверь, мне бросилась на плечи.

“На углу, у «Фнака», бурлила толпа…”[15]

На углу, у “Фнака”,[16] бурлила толпа. То и дело
Кого-то пихали, ругались и сатанели.
Нерасторопного голубя пес терзал без затей.
За углом, на панели,
Старая нищенка у стены молчаливо сидела,
Съежившись под плевками орущих детей.

---

[14] *Перевод Михаила Яснова*

[15] *Перевод Михаила Яснова*

[16] *“Фнак”* – сеть книжных магазинов во Франции.

Я шел по улице Ренн. Вывески и рекламы
Манили туда, где таких, как я, поджидают дамы:
– Привет, меня зовут Амандина.
Но мой член совершенно не трогала эта картина.
Толпились какие-то отморозки, листая страницы
Порножурналов, и с угрозой следили,
как мимо идут порядочные девицы.
Функционеры обедали. И с каким аппетитом,
взгляни-ка!
Но тебя там не было. Я люблю тебя, Вероника!

“Я катил на “пежо”, на своем сто четвертом…”[17]

I

Я катил на “пежо”, на своем сто четвертом
(Двести пятый, конечно, машина покруче).
Капал дождь. Я не стану бороться, всё к черту!
А в кармане три франка и мелочи куча.

Я не знал, как мне быть: скоро съезд на Кольмар,[18]
Но разумно ли будет съезжать с автострады?
Пишешь ты: “Надоело. Ты псих и фигляр.
Всё, конец! Я по горло сыта этим адом”.

В отношеньях, короче, возник холодок —
Да, проходит любовь, это старая тема.
Но я духом не пал и, проверив гудок,
Затянул потихоньку мотив из “Богемы”.

II

Немцы – свиньи, но асы по части дорог,
Так мой дед говорил, человек очень тонкий.
Я был близок к истерике, гнал на восток
И приветствовал гладкость германской бетонки.
Это было как бегство, я больше не мог,
Нервы сдали совсем от бессмысленной гонки.

Бак пустел, но до Франкфурта хватит и трети,
Там друзей заведу, и, сосиски жуя,
Будем с ними шутить и смеяться над смертью,
Обсуждать судьбы мира и смысл бытия.

Обогнав два фургона, везущие мясо,
Я запел, водворясь на своей полосе.

---

[17] *Перевод Ирины Кузнецовой*

[18] *Кольма́р* – город на западе Франции, недалеко от границы с Германией.

Ничему не конец! Замаячил над трассой
Образ радостей жизни в их зыбкой красе.

Любовь, любовь[19]

В порнокиношке, выпуская вялый пар,
Глядят пенсионеры
На плохо снятые соитья юных пар
Без всякой, впрочем, веры.

Да, вот она, любовь, подумалось мне, вот
Лицо ее без грима:
Одни прельстительны – и к ним всегда влечет,
А у других – все мимо.

Не верность, не судьба, а только тел одних
Взаимопритяженье;
Привязанность оно не порождает в них,
А жалость еще меньше.

Одни прельстительны – любимы, стало быть.
Вот им – оргазм награда.
А сколько тех, кому тут нечего ловить,
Мечтать, и то не надо.

Лишь одиночество их может ожидать
Да плюс злорадство самок,
Лишь вывод: “Это все не для меня, видать”.
Такая мини-драма.

Так и умрут они, обмануты в своих
Лирических мечтаньях,
С презрением к себе, что сделалось для них
Привычным, как дыханье.

Я обращаюсь к вам, кто не бывал любим,
К вам, братии опальной,
Не приобщившейся к утехам никаким
Свободы сексуальной:

Вам не о чем жалеть – ведь все равно любви
И нет, и не бывало,
Есть жесткая игра, чьей жертвой стали вы,
Спорт профессионалов.

[19] *Перевод Натальи Шаховской*

Природа[20]

Я не завидую восторженным кретинам,
В экстазе млеющим над норками зверей.
Природа сумрачна, скучна и нелюдима,
Ни символ, ни намек не зашифрован в ней.

Приятно за рулем, катя на “мерседесе”,
Пейзажи созерцать и смену панорам,
И скорости менять, и ощущать в процессе,
Что реки, горы – всё, весь мир подвластен вам.

Скользит под солнцем лес, он тянется в ущелье,
В нем древних знаний свод как будто заключен,
В нем чары тайные как будто уцелели,
Проходит час-другой – и разум усыплен.

И вы выходите. Прощай, покой. Еще бы!
Вы спотыкаетесь, кругом полно корней,
Какой-то дряни, мух и гнусная чащоба,
Абсурдный, чуждый мир колючек, змей, камней.

Вам хочется туда, где выхлопные газы,
Заправки, паркинги и барной стойки блеск.
Но поздно. Холодно. Стемнело как-то сразу.
Вас в свой жестокий сон затягивает лес.

В отпуске[21]

Время замерло. Жизнь обернулась пробелом.
Плитки всюду размечены солнцем, как мелом.
Все уснуло, и в послеполуденной дреме
Только блики играют при каждом изломе.

Воздух давит на плечи, как влажная бездна,
Насекомые бьются о стекла дремоты.
То ли с жизнью свести окончательно счеты,
То ли в секту податься… Да все бесполезно!

Как всегда, здесь темнеет примерно с пяти;
Доживу до рассвета, без смысла и цели.
Сотни ротиков тьмы задрожат еле-еле;
День придет, но надежде уже не прийти.

---

[20] *Перевод Ирины Кузнецовой*
[21] *Перевод Михаила Яснова*

“Чистейший первозданный свет…”[22]

Чистейший первозданный свет
Зажегся в море, как пожар.
Жизнь – бремя бесполезных лет,
Земля – подумать только! – шар.

На пляже некая семья неторопливо
Возилась с барбекю. Они с негромким смехом
Готовили еду и открывали пиво.
Чтобы попасть на пляж, я ланды все проехал.

Легла на водоросли мгла,
Урчало море, точно зверь;
В душе такая сушь теперь,
Ослабло притяженье зла.

А те, на берегу, и впрямь знакомы вроде
И что-то говорят, друг к другу обратясь.
И я принадлежать хотел бы к их породе…
Помехи, сбой волны, и резко рвется связь.

“Мягкое подпрыгиванье гор…”[23]

Мягкое подпрыгиванье гор,
Трактора урчанье в дымке зыбкой.
На руинах развели костер;
Жизнь, похоже, все-таки ошибка.

Выживать мне стало все трудней
В гуще этих странных организмов:
Ходят в сандалетах, ржут, – ей-ей,
Скопище нехитрых механизмов.

Как запрограммирован уклад —
Навсегда – в провинциальных семьях!
Круг судьбы до скудости ужат,
Счастье в малых дозах, жизнь по схеме.

А на кухне блеск и чистота.
Что за страсть к вылизыванью кухонь!
Пуст и скуп словообмен: нет, да.
Мнения соседки ловит ухо.

[22] *Перевод Ирины Кузнецовой*
[23] *Перевод Ирины Кузнецовой*

“Девять вечера, тьма наплывает в окно…”[24]

Девять вечера, тьма наплывает в окно,
Я не в силах кричать, обрывается голос.
Начинается отпуск, за окнами морось,
Я пытаюсь представить, что мне все равно.

Раз в двадцатый опять подхожу к телефону,
Не найду, что сказать, но услышать готов,
Что мне скажут, и вместо сочувственных слов
Раз в двадцатый я слышу гудок монотонный.

Я сегодня купил себе хлеба и сыра,
Все в нарезке – случайно не выколешь глаз,
И голодную плоть усмиряю тотчас.
Воскресенье, свобода, прохладно и сыро.

Если кто-нибудь есть на Земле или выше,
Тот, кто любит меня, – пусть пришлет мне ответ.
А иначе – конец, я уже его вижу,
Бритва в воздухе чертит светящийся след.

[24] *Перевод Михаила Яснова*

II

“Как росток маиса, выкопанный под корень…”[25]

Как росток маиса, выкопанный под корень,
Я, пустая раковина, забытая морем
В стороне от жизни, за урезом воды,

Оборачиваюсь к тебе, посмевшей меня полюбить:
Пойдем со мною, пойдем и найдем, может быть,
Ночи следы.

Ощущение холода[26]

Утро было светлым, чистым, как кристалл.
Ты терять свою свободу не хотела.
Ждал тебя, на птиц смотрел и знал:
Предстоит страданье, что бы я ни сделал.

“Фальшивой радости прибой…”[27]

Фальшивой радости прибой,
Под вечерок, хотя б на час.
Ты не со мной, я не с тобой,
Забылся сговор наших глаз.

Смерть, разделение – удел
Уже ступивших за порог.
Неспешное разъятье тел
В прекрасный летний вечерок.

“Как перевод небытия…”[28]

Как перевод небытия,
Вокруг меня предметы быта.
Никчемным, им под стать и я —
Ты не идешь, и жизнь разбита.

С самим собой, как с тенью тень,
Как с девкой уличной в кровати,
Я коротаю ночь и день
И так люблю тебя некстати.

---

[25] *Перевод Натальи Шаховской*
[26] *Перевод Ирины Кузнецовой*
[27] *Перевод Михаила Яснова*
[28] *Перевод Михаила Яснова*

Субботним днем бреду пешком
В толпе, снующей деловито,
И все шепчу себе о том,
Что жизнь разбита, жизнь разбита.

“Почему никогда нам не быть…”[29]

Почему никогда нам не быть,
Не быть
Такими, чтоб нас любить?

“В пустом пространстве жить, без вех и без опоры…”[30]

В пустом пространстве жить, без вех и без опоры,
Как птицы хищные в краю немых высот,
Но крылья есть у птиц, добыча, схватка, взлёт,
А у меня их нет. Есть зыбкие просторы.

Бывало, что меня ночь возвращала в мир,
И просыпался я с зарядом жизни новой,
Пульсировала кровь, летел секунд пунктир —
Была их цепь тогда реальной и весомой.

Но этому конец. Я по утрам с тоскою
Опять встречаю день; мне вечера милей.
Вступил я в полосу пустынных областей,
Не надо мне побед, хочу я лишь покоя.

В пустом пространстве жить, без вех и без опоры.
Мне дарит темнота спасительный покров,
Желанье тает в нем, он мягок и суров.
Иду сквозь ночь. Мой взгляд внимателен и зорок.

“Нить забвения тянется, ткется и ткется…”[31]

Нить забвения тянется, ткется и ткется
Без конца, без начала. Хоть плачь, хоть моли.
Жизнь, как белый корабль, закрывающий солнце,
Уплывает, скользя в недоступной дали.

Внешний мир[32]

Я смерть внутри себя сквозь эту жизнь пронес,
Мне радость подменил невидимый некроз.

---

[29] *Перевод Михаила Яснова*
[30] *Перевод Ирины Кузнецовой*
[31] *Перевод Михаила Яснова*
[32] *Перевод Михаила Яснова*

Частица холода всегда, везде со мной —
Живу отшельником в толкучке городской.

Порой спущусь купить то пива, то газету
И в супермаркете брожу со старичьем,
Их взгляд невидящий не скажет ни о чем,
Да и с кассиршами калякать – мочи нету!

Пусть так, пускай меня считают нездоровым,
Мне выпал редкий дар веселье разрушать,
Зато могу в тоске, в унынье поддержать
И просто в мрачный день – таким же
мрачным словом.

Мне заменяет одинокая мечта
Проигранную жизнь, не ставшую судьбою.
Врачи накаркали все то, чего я стою,

И то, что стою я, не стоит ни черта!
Часы, за мигом миг, пусты, как дырки в сыре,
Покуда времена идут во внешнем мире.

“Бесприютная ночь, я бегу от тоски…”[33]

Бесприютная ночь, я бегу от тоски,
Не питая надежды дожить до утра.
Плотным саваном душит и вяжет жара,
И в пустынном подъезде звенят каблуки.

На диванчик привычный в квартире ложусь,
На подушках лежу, только сон не идет.
Грязноватое солнце лениво встает,
Поднимаюсь как робот и снова тружусь.

Утомительный день, яркий солнечный свет,
Кофе чашка за чашкой, до боли в висках,
Телу мерзко в рубашке, штанах и носках,
Застревают в мозгах заголовки газет;

Вот и Дом инвалидов. У входа в метро
Телеса секретарш, инженеров смешки,
Словно лай кобелей. Под глазами – мешки.
Мы несемся по кругу, где в центре – ничто.

[33] *Перевод Ильи Кормильцева*

“Желание больше ничего не делать и, главное, не чувствовать ничего…”[34]

Желание больше ничего не делать и, главное,
не чувствовать ничего,
Внезапная потребность умолкнуть, отстраниться
ото всего,
И, созерцая мирный, красивый Люксембургский сад,
Быть старым сенатором, одряхлевшим под грузом
наград.
И больше ничто – ни дети, ни их кораблики,
ни музыка главное, —
Не нарушит мою отрешенность, почти атараксию,
такую славную,
Ни любовь – это главное, – ни страх,
ни сердца сжатие…
Ах, больше никогда не вспоминать объятия!

Возможный конец пути[35]

Что душу теребить? Я все же твердо знаю,
Что жил и видел жизнь людей и диких трав.
Я не участвовал, но все же твердо знаю —
Особенно сейчас, на склоне дня, – что прав.

Вокруг со всех сторон такой знакомый сад —
Теперь я искушен в своем надежном знанье
И этих ближних троп, и дальних эстакад,
И скуки отпусков, и скуки мирозданья.

Да, здесь-то я и жил, жил на излете века,
Неплохо жил, при всех уходах и растравах
(Ожоги бытия – от солнца и от ветра);
Теперь покоиться хочу вот в этих травах.

Подобно им, я стар. Я юн, подобно им,
И полон шороха весеннего природы,
И прожил, как они, – смят, но невозмутим, —
Цивилизации оставшиеся годы.

“Рассвет стремительного солнца…”[36]

Рассвет стремительного солнца —
Вот так бы в смерти преуспеть!

---

[34] *Перевод Ирины Кузнецовой*
[35] *Перевод Михаила Яснова*
[36] *Перевод Михаила Яснова*

А людям – лишь бы все стерпеть:
Мой бог, да что им остается?

Нам не по силам, не с руки
Сносить тоски осенней стоны,
Мой бог, а жизнь так монотонна
И горизонты – далеки.

Зима – ни звука, ни следа:
Стою один во всей Вселенной;
Как голубой кристаллик льда,
Мечта чиста и совершенна.

“Ностальгия мне незнакома…”[37]

Ностальгия мне незнакома,
Но завидую я старикам,
Их холодным как смерть рукам
И глазам, нездешним как кома.

Незнакома мне жажда признанья,
Но завидую я нахалам
И ревущим детишкам малым,
Что умеют быть в центре вниманья.

И опять, свалившись в кровать,
До утра, как всегда, буду ждать я
Стука в дверь, ледяного объятья;
По ночам я учусь умирать.

“В Венеции, у парапета…”[38]

В Венеции, у парапета,
Я думал о тебе, Лизетта:
В той базилике золотой
Ты стать могла бы мне женой.

Вокруг толпа спешит, пестрея,
И хочет жить еще быстрее.
А я старик – внутри и вне:
Одна любовь осталась мне.

Последние времена[39]

Ожидают тяжелые нас времена,

[37] *Перевод Ильи Кормильцева*
[38] *Перевод Михаила Яснова*
[39] *Перевод Ильи Кормильцева*

Ожидают нас ночи немыслимой боли.
Будем сглатывать слезы, пьянея от соли.
Жизни нашей вот-вот оборвется струна.
Где любовь? Заблудилась в потемках она.

Будем рвать торопливо письмо за письмом,
Лучший друг обернется заклятым врагом,
Будет путь в никуда, и дороги без цели,
И пески раскаленные вместо постели,
Будет страх, что таится за каждым углом,

Он крадется, как память, по следу за мной
И безмолвно смеется у меня за спиной;
Его цепкие пальцы крепки словно сталь,
И хрустальны глаза, устремленные вдаль,
Он над миром висит, будто нимб ледяной.

Ожидает нас смерть. Это факт, милый друг.
Время выпустим мы из слабеющих рук.
Все, что знали и прожили я или ты,
Проплывет перед взглядом у смертной черты,
Сожаленье мелькнет – и все кончится вдруг.

III

“Народ, который любит жизнь…”[40]

Народ, который любит жизнь,
Познать создателя стремись.
Но снова только ночь вокруг
Да сердца стук.

“Вот фотографии детей…”[41]

Вот фотографии детей,
Вот безусловная любовь.
Но нам не избежать смертей;
На небе встретимся мы вновь.

“Да правда ли, что есть там кто-то в самом деле…”[42]

Да правда ли, что есть там кто-то в самом деле,
Кто после смерти нас с любовью примет всех?
Я холод сотен глаз встречаю с дрожью в теле;
Я к людям ключ ищу – нет, это просто смех.

Да правда ль, что помочь друг другу могут люди,
Что можно счастья ждать и не в тринадцать лет?
Есть одиночество, где шанс на помощь скуден;
Твержу я про любовь, которой, знаю, нет.

Я в центр выхожу под вечер, к ночи ближе,
В моих глазах мольба, иду на зов огня.
Бульвары золотом струятся по Парижу;
Как сговорились все не замечать меня.

А ночью я звоню, приникнув к телефону:
Набрать, один гудок, и трубку положить.
Тень прячется в углу, вблизи магнитофона,
Беззубый скаля рот, – ей некуда спешить.

Бестелесные[43]

Латентному, теплящемуся присутствию Бога
Ныне конец.

---

[40] *Перевод Екатерины Белавиной*
[41] *Перевод Екатерины Белавиной*
[42] *Перевод Ирины Кузнецовой*
[43] *Перевод Натальи Шаховской*

В неком пустынном пространстве мы плаваем, наги,
Даже тел у нас нет.

Плавая в холоде пригородной парковки
Перед торговым центром,
Гибким движением корпуса поворачиваемся
в сторону
Субботних супружеских пар,
Обремененных заботами, обремененных детьми.
А их дети за вкладыш с Грендайзером затевают
шумную склоку.

“Чудовищная смесь бесчисленных прохожих…”[44]

Чудовищная смесь бесчисленных прохожих
Плывет по улицам. Свод неба извращен.
Зеленые тона – всё новые, еще —
Я создаю. Вот пудель рядом ожил.

О, Шопенгауэр, я мысленно с тобой.
Тебя люблю и различаю в бликах окон:
Сей мир безвыходен. Я старый шут с пороком.
Здесь очень холодно. Прощай, Земля. Отбой.

В конце концов все разойдутся по домам,
Формулировка ироничная весьма.
Откуда знать мне, кто успел тут поселиться?
Здесь есть и санитар, и должностные лица.

И есть друзья у них – я думаю, немало.
Я подошел к стене. Я размышляю вяло,
Пока галдят они, как полчище горилл;
Я видел клетки их, когда глаза закрыл.

Я в восемь по утрам иду вдоль стен церквей,
Я вижу в транспорте старушек умиранье;
И скоро свет дневной замрет, замрет за гранью.
И тут встает вопрос о смысле всех Церквей.

“Ты что-то говорила о сексе…”[45]

Ты что-то говорила о сексе, об отношениях между людьми. Говорила ли ты вообще? Вокруг было шумно; казалось, с губ твоих слетают слова. Поезд въезжал в туннель. С легким потрескиванием, с легким запозданием загорелись лампы в купе. Я ненавидел твою плиссированную юбку, твой макияж. Ты была скучна, как сама жизнь.

---

[44] *Перевод Екатерины Белавиной*

[45] *Перевод Ирины Кузнецовой*

Среда. Майнц – Долина Рейна – Кобленц[46]

Очевидная двойственность одиночества. Я смотрю на стариков, сидящих за столиком, их минимум десять. Можно от нечего делать их сосчитать, но я уверен, что их минимум десять. Ох! Если б только я мог улететь на небо, улететь на небо сию же минуту! Они говорят все сразу, производя какофонию непонятных звуков, где можно различить лишь отдельные жеваные слоги, словно выгрызаемые зубами. Господи! Как же трудно примириться с миром!..

Я сосчитал. Их двенадцать. Как апостолов. А официант, надо думать, Христос?

Не купить ли мне футболку *Jesus*?

“Бывают мгновения, когда буквально слышишь…”[47]

Бывают мгновения, когда буквально слышишь насмешливое шуршание времени, ускользающего среди тишины и уюта,

И смерть опережает нас по очкам.

Становится скучно, и соглашаешься ненадолго отвлечься от главного, сделать какое-то нудное, но необходимое дело, считая, что оно займет три минуты, А после с тоской замечаешь, что два часа улетучились почему-то.

Время безжалостно к нам.

Иногда вечерами кажется, будто день пролетел за четверть часа, и, естественно, начинаешь думать о возрасте, торопиться,

Пытаешься блефовать, чтобы разом наверстать полгода, и не находишь ничего лучше, как опять исписать страницу,

Потому что – за вычетом редких моментов истории и нескольких личностей, чьи имена нам известны из книг, —

Лучший способ обыгрывать время – не пытаться прожить в нем сполна, ловя каждый миг.

Место, где наши поступки вписываются в гармонию мира, где они волшебно последовательны и свободны от противоречий,

Где все наши “я” дружно шествуют рядом без раздоров и драм,

Где правит абсолют, где идеалы вечны,

Походка – танец, а слова – псалом,

Не существует на земле.

Но мы туда идем.

Тело абсолютной идентичности[48]

Дом Бога похож на взрытый кротом бугорок,

Там много ходов,

Галерей, куда телу протиснуться трудно;

---

[46] *Перевод Ирины Кузнецовой*

[47] *Перевод Ирины Кузнецовой*

[48] *Перевод Ирины Кузнецовой*

Но внутри этот дом безнадежно пустой.

Небесный Иерусалим существует и здесь, на земле,
В глазах некоторых женщин;
Сперва происходит отладка, что-то вроде
синхронизации приемных устройств
и установки соединения,
Потом взгляды тонут и отражаются в чем-то
невероятно чудесном, несущем спасение,
Которое есть Другой и Единый,
Пространство и неподвижная точка.
Отринув время, мы оказываемся в царстве
идентичности – путь как будто недлинный.

В центре Господнего Храма есть комната
с побеленными стенами и низеньким потолком;
Посредине стоит алтарь.

Те, кто сюда попадает, бывают сначала удивлены
атмосферой пустоты и безмолвия,
которыми проникаешься понемногу;
Почему пуст алтарь?
Разве так надлежит являть себя Богу?
И лишь после многих дней, после многих ночей
бдения и созерцания
В центре пространства вдруг проступает нечто,
подобное солнцу, обретающему очертания,

Нечто такое, что стягивает пространство
и организует его, как ядро,
Центральная точка, вокруг которой
формируется мир и воплощает себя
в потрясающем топологическом переплетении,
Точка, продолжительное созерцание которой
готовит душу к скачку в абсолютную идентичность,
недосягаемую для изменения.

Названия для этой точки нет ни в одном языке,
но она источает радость, свет и добро.

“Мир выглядит, как никогда, однородным и прочным…”[49]

Мир выглядит, как никогда, однородным и прочным. Девятичасовое солнце медленно и полого струится по улице; старинные и современные здания соседствуют довольно беззлобно. Я, частица человечества, сижу на скамейке. Парк совсем недавно обновили; фонтан вот установили. На этой скамейке сидя, я думаю о человеческом виде и ощущаю себя гуманным; сижу гуманно напротив фонтана.

[49] *Перевод Ирины Кузнецовой*

Фонтан современный: вода течет между серыми полусферами, падает медленно с одной на другую. Между ними она могла бы только сочиться, но архитектор придумал хитрей: сначала вода заполняет неторопливо верхние полусферы; когда они переполняются, она тихонько капает в нижние; через какое-то время – его промежутки кажутся мне неравными – всё разом опустошается. Потом вода наливается снова, и процесс повто ряется.

Может быть, перед нами метафора жизни? Сомневаюсь. Скорей, архитектор хотел инсценировать свое представление о вечном движении. Не он первый, не он последний.

Пятница, 11 марта. 18 час. 15 мин. Саорж[50]

Лежу в гостинице; мышцы мои отдыхают после ходьбы; они слегка горят, но это приятно.

Не могу я как человек западный, сентиментальный, спонтанный, по-настоящему принять для себя буддизм (со всем, что буддизм включает в себя: с этим упорным исследованием тела, направляемым разумом; упорным, почти научным исследованием тела, его реакций и использованием этих реакций в мистическом поиске и в быту).

Иначе говоря, я остаюсь романтиком, зачарованным идеей полета (полета чистого, духовного, с телом никак не связанного). Я чту целомудрие, святость, невинность; верю в слезный дар и молитву сердца. В буддизме все более разумно, более целесообразно; однако я не в состоянии проникнуться им.

Я лежу на кровати, мышцы мои отдыхают; и я чувствую, что готов, как в юные годы, изливать душу до бесконечности.

“Я как мальчик без права на слезы и ласки…”[51]

Я как мальчик без права на слезы и ласки;
Уведи меня в царство хороших людей,
Уведи меня в ночь, покажи мне, как в сказке,
Мир с другими созданьями, чудо содей.

Я надеждой живу, вековой, первобытной,
Как те старые негры, что дома – князья:
Подметают метро с непонятной улыбкой —
Одиноки, как я, безмятежны, как я.

“И правда, этот мир, где дышим тяжело…”[52]

И правда, этот мир, где дышим тяжело,
Внушает нам лишь злость, до дрожи отвращенья,
Желание сбежать, без права возвращенья.
Нас больше не прельстит букет газетных слов.

Нам вновь бы обрести исконный отчий дом,
Крылом архангела заботливо укрытый,

[50] *Перевод Ирины Кузнецовой*
[51] *Перевод Ирины Кузнецовой*
[52] *Перевод Екатерины Белавиной*

И жить моралью странной, позабытой,
Что освящала жизнь – до смерти, день за днем.

Нам нужно что-нибудь, что нежность утолит,
Нам нужно что-нибудь, похожее на верность,
Что сможет превзойти собою эфемерность.
Нам больше не прожить от вечности вдали.

Бульвар Пастера. Вторая половина дня[53]

Голубые глаза, туристический вид.
Это немцы об обществе спорят за пивом.
Их *Ach so* с разных столиков сразу летит
В теплый воздух живой со словесным приливом.

Слева химики дружно воркуют за пищей:

[53] *Перевод Екатерины Белавиной*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.